

Персиковая фея Фанфэй, прожившая тысячу лет в отшельничестве на горе Маншань и вобравшая в себя сущность солнца, луны, гор и вод, наконец обрела человеческий облик. Впервые превратившись в человека, она преисполнилась гордости и любопытства. Хотя теперь она могла принять человеческую форму, её демоническая природа никуда не делась. В мире людей как раз стоял апрель — пора цветения, — и она, обернувшись шестнадцатилетней девушкой, решила сначала развлечься, соблазнив какого-нибудь красивого учёного юношу.

При мысли о красивом учёном она засмеялась, прикрыв рот рукавом, и сразу же вспомнила господина Цзина.

Удалось ли ему соблазнить красивого учёного?

Когда-то она была персиковым деревом под окном его опочивальни. Благодаря его благосклонности и наставлениям она обрела сознание. Позже, по его предложению и под его защитой, она отправилась на гору Маншань для практики. По пути она иногда возвращалась. Последний раз это было пятьсот лет назад, и господин Цзин всё ещё не нашёл своего учёного.

С тех пор минуло пятьсот лет. В мире людей сменилось не то сколько династий. В смутные времена рождаются красавицы — уж наверняка господин Цзин кого-нибудь да соблазнил?

Фанфэй оглядела молодых учёных вокруг, но ни один не показался ей достойным. Она даже слегка рассердилась. Неудивительно, что господин Цзин всё ещё не нашёл подходящего! С такими-то лицами она и сама не захочет связываться! Красивого учёного она не встретила, зато её руку кто-то украдкой коснулся. Фанфэй это не понравилось, и она решила больше не задерживаться в мире людей, а поскорее вернуться к господину.

Перед уходом она зашла в книжную лавку и выбрала несколько новых сборников историй — тех, где учёный, отправляющийся в столицу на экзамены, бывает соблазнен прекрасной призрачной девой. Приказчик, увидев её красоту, решил завязать разговор и, подобострастно улыбнувшись, промолвил:

— Сударыня, вы, пожалуй, и прекраснее той призрачной девы из книг! Впервые вижу такую красоту. Как-то принцесса из дворца выезжала — я осмелился взглянуть, и мне посчастливилось её узреть. Но она и в подмётки вам не годится!

Фанфэй рассмеялась, прикрывая рот рукавом. Глупые, вонючие мужланы! Мало того что она — так даже призрачная дева, что у ворот дворца господина двери протирает, и та краше любой занебесной принцессы! Она не стала продолжать разговор. Спрятав руку в рукав, она выпустила на ладонь несколько персиковых лепестков. А когда вынула руку, лепестки уже стали серебряными крохами.

— Ой, да это же слишком много! Столько не нужно! — замахал руками приказчик.

— Это тебе за сладкие речи, — настойчиво вложила монетки ему в руку Фанфэй, взяла книги и повернулась к выходу.

Но едва она переступила порог, мимо пронеслись несколько лошадей, чуть не сбив её с ног. Фанфэй отпрыгнула назад, а приказчик, испугавшись, подхватил её и с тревогой спросил:

— Сударыня, вы целы?!

Фанфэй, конечно, была цела, но с недовольством посмотрела всему удалявшимся всадникам:

— Совсем правил не знают! — Будучи небожительницей, она всегда презирала людей.

Приказчик не придал её словам значения, решив, что она просто не в духе, и предупредил:

— Сударыня, осторожнее в речах! Это же люди третьего принца, князя Чэна!

— Ну и что с того, что он третий принц?!

Приказчик огляделся, отвёл её вглубь лавки и понизил голос:

— Сударыня, вы, видно, в терему сидите, не ведаете — в столице скоро всё перевернётся! Недавно девятого принца, князя Хуая, загубили наследного принца да братьев поизводили — император сослал его в провинцию И, в гуны Чу пожаловал! Едва он уехал, как его семью, министра Лу, разорили! Даже в дворце любимейшую наложницу Лу в Холодный Дворец упрятали! Третий принц наследником станет! Вы и представить не можете, сколько народу в столице полегло! Мы по ночам и на улицу-то боимся! — Приказчик дрожал как осиновый лист. Ведь гнев Сына Небес всегда оборачивался сотнями тысяч трупов. Простому люду лишь бы мир да покой, семью прокормить. — Вам тоже, сударыня, осторожней надо, одной не ходите.

Выслушав это, Фанфэй лишь презрительно фыркнула. Люди — вечно они дерутся за эту ерунду. Даже трон заполучишь — и что? Какой-то жалкий десяток лет, их и на один сон господину не хватит. Тоска смертная.

Мир людей больше не вызывал в ней ни капли интереса.

Выйдя из книжной лавки, она свернула в глухой переулок, обернулась — и исчезла на месте, лишь рассыпанные персиковые лепестки отметили, где она стояла.

□□□

— Вчера вечером вышла прогуляться, вижу — мимо учёный идёт, вроде в столицу направляется, наверное, на экзамены. Я за ним — лицо разглядеть, если красивый, так схватить да господину принести, порадовать его. Но я ещё рот не открыла, а он обернулся, меня увидел — и ну хватать меня за руку, будто и не соображая ничего!

— Нынешние мужики в мире людей все такие! Тыщу лет гляжу — с каждым годом всё хуже да хуже! Не мудрено, что нашему господину до скуки стало, уснул!

— А ещё эти нищие школяры только и пишут, что призрачная дева в них по уши влюбится, без них жить не может да замуж непременно пойдёт! Только самые беспутные призраки на них позарятся, да и то — сущность ихнюю сожрать. А таким, как мы, они и даром не нужны! Мне на съедение предложи — не стану! Это ж те самые вонючие мужики, на которых бабы в мире людей ругаются! Съешь — и сам вонять станешь!

Говорили двое, с виду — девицы лет тринадцати-четырнадцати. На деле же они были личными служанками господина Цзина, или, точнее, личными прислужницами-призраками, по имени Нун Юэ и Яо Юэ.

Жизнь призраков скучна. Господин Цзин уснул сто лет назад и до сих пор не пробудился, вот они и коротали дни, сидя под окном, болтая да вышивая. Кем господин Цзин был при жизни, он и сам не помнил. Да и сколько лет он уже скитается по трём мирам как призрак — тоже запомнил.

Нун Юэ и Яо Юэ тоже не ведали, как покинули сей мир. Казалось, с тех пор как себя помнят, они уже при господине служили.

Полагали они, что господин, должно быть, и при жизни принцем был.

Ибо гробница господина Цзина была целым дворцом.

Дворец тот из нефрита был высечен, изысканный да невиданно роскошный, убранство такое, что и в императорских чертогах не сыщешь. Жили они в сём дворце, и ни один служитель подземного мира сунуться сюда не смел, а живым и вовсе незрим был он. Ели они и спали, как люди, но тени не отбрасывали, не дышали — мёртвые они были, призраки.

По ночам могли они и наружу выходить, да и само местоположение дворца по воле господина менялось.

Тысячи лет назад — должно быть, тысячи лет, — они уж и не помнят точно. Тогда господин ещё любил по мирам странствовать, побывал везде, кроме разве что Царства Бессмертных. В конце концов полюбил мир людей и остался здесь на долгие годы.

Когда он впервые в мир людей пришёл, тоже путешествовал, в разных местах жил, и на дне Восточного моря спал, и на вершине Тяньшаньской горы стоял. Пока не прочёл одну книгу, восхитился историей призрачной девы — и перебрался в нынешние края.

Ибо здесь пролегал путь всех учёных, что в столицу на экзамены держали путь.

В той книге учёный, на экзамены отправлявшийся, под дождь попал, и прекрасная призрачная дева его спасла. Влюбились они друг в друга с первого взгляда и поклялись быть вместе навеки. И пусть потом разлучил их владыка подземного мира, пусть земные даосы козни строили, пусть Небесный Закон карал — не отступились учёный с призрачной девой друг от друга.

Обычно-то призраки да оборотни все бесчувственны да бессердечны, за тысячи лет они только такое и видели. Даже влюблённые призрачные или оборотни-адепты ради силы, ради золотого ядра друг друга готовы были прикончить, даже коли родня, — исключений не бывало.

Господин Цзин, книгу ту прочтя, потрясён был до глубины души. Глаза его, никогда слёз не лившие, покраснели, и заплакал он, тронутый человеческими чувствами.

С той поры и обрёл господин Цзин новую забаву: решил в мире людей остаться и поклялся себе такого же преданного да красивого учёного заполучить, как в книге. Весь дворец господину принадлежал, каждая травинка, каждый цветочек, да и все призраки в нём — всё по его воле шло.

Видали они и раньше его увлечения, думали — пройдёт, прихоть минутная. Ан нет — уже тысяча лет минула.

Нун Юэ вздохнула, Яо Юэ молвила:

— Знала бы я, чем обернётся, — ни за что б тогда ту книгу господину не купила.

Яо Юэ тоже вздохнула:

— Кто ж знал? Поведать о мире людей господин пожелал, а мы, призраки, разве что книжки

купить могли.

Нун Юэ, вышивая, добавила:

— Проснётся господин, увидит, что учёные в мире людей всё уродливей да старее становятся, — расстроится. Мы-то с тобой знаем, что люди — народ подлый, книжки-то эти — бредни голодных школяров! Бабы в мире людей на них и смотреть не станут, а коли глянут — так ещё и обругают. А наш-то господин сердцем чист, поверил в эту чушь! Да где ж таких людей сыскать?

— Что же делать-то? Может, волчьего оборотня нанять, тигрового адепта или призрака поумнее — пусть прикинутся? Мне тот волчий оборотень поблизости смазливый кажется, и сила у него ничего.

Нун Юэ ткнула Яо Юэ вышивальной иглой прямо в глаз:

— Идея-то какая паршивая! Господин мигом раскусит!

— Да что же тогда делать?! — Яо Юэ вставила выкатившийся глаз обратно, занервничав.

<http://bllate.org/book/15942/1424957>